

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Третьякова Анна Сергеевна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В
ГЕРМАНИИ**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки»

Образовательная программа «Свободные искусства и науки»
Профиль «Международные отношения, политические науки и права человека»

Научный руководитель:

Клемент Карин Матильда
Доктор Высшей школы социальных наук,
старший преподаватель

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 История вопроса.....	6
1.1. Миграционная политика ФРГ.....	6
1.2. Эмиграция из СССР. Основные законы и положения.....	7
Глава II Теоретические сведения.....	13
2.1. Национальная идентичность и национализм.....	13
2.2. Изучение идентичности мигрантов.....	18
2.3. Национальная идентичность в России и Германии.....	22
Глава 3 Анализ эмпирических данных.....	25
3.1 Анализ интервью.....	25
3.2 Сравнительный анализ результатов со статистическими.....	49
данными исследования Фонда им. Б. Немцова.....	49
Заключение.....	53
Источники.....	55
Список литературы.....	55

Национальная идентичность российских иммигрантов в Германии

Введение

Несмотря на дискурс о размывании национальных границ в контексте глобализации, национальная идентичность человека не перестаёт занимать значительное место в процессе его самоосознания. Вопросы о противоречивой национальной идентификации оказываются всё более актуальными в контексте увеличивающихся потоков миграции по всему миру. В частности, в данной работе речь пойдёт о неоднозначной национальной идентификации российских иммигрантов, живущих в Германии.

Федеративная Республика Германия является одним самых популярных направлений для иммиграции россиян наряду с США и Израилем.¹ По данным на 2015-й год Федерального бюро статистики Германии число представителей российской диаспоры составило 9% от количества всех мигрантов, таким образом, представ третьей по величине группой иностранных мигрантов в стране.

Неоднозначность и противоречивость национальной идентификации изучаемой группы оказались в эпицентре дискурса о ксенофобии и национализме в Германии после того, как российская диаспора по оценке самой партии явила треть от всего числа избирателей, проголосовавших за правую националистическую партию «Альтернатива для Германии» на выборах в 2017-ом году, что дало партии треть мест в Бундестаге.

В связи с актуальностью данной проблемы целью этой работы является исследовать российских иммигрантов в Германии на предмет

¹ Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. – 2013. – №. 4. – С. 24-35.

национальной идентичности. Исследовательский вопрос: противоречивая национальная идентификация российских мигрантов в Германии.

В качестве метода исследования были задействованы 20 глубинных полуструктурированных интервью с представителями различных групп российских иммигрантов в Германии. К результатам данных интервью также был применен сравнительный анализ с количественными данными опроса, проведённого фондом им. Бориса Немцова о российских немцах в Берлине в октябре 2016-ого года.

Первым предполагаемым вариантом самоопределения в контексте данной работы состоит в том, что, попадая в принимающую среду, мигрант будет в большей степени ориентироваться на свою российскую идентичность и предпочитать взаимодействие внутри своей группы, при этом ограничивая контакты с представителями других культур и национальностей.

Второй вариант состоит в предположении, что, попадая в новую среду и в результате трансформации идентичности, русский мигрант будет всё меньше опираться на свою прежнюю идентичность.

Также в контексте данной работы не исключаются возможности построения мигрантами гибридной идентичности, состоящей из компонентов самоопределения одновременно и по отношению к России, и к Германии.

Структуризация работы состоит в следующем. Первая глава исследования посвящена изучению вопроса о миграции российских граждан в Германию на протяжении истории, начиная с середины XX-ого века, когда в 1953 году был издан закон об изгнанных и беженцах, благодаря чему изгнанные в 40-е годы представители немецкой национальности, получали право на репатриацию, что положило начало первой волне

иммиграции из СССР в 60-е - 70-е годы.² Всего принято выделять четыре волны иммиграции из России в Германию. Четвертая волна, длящаяся и по сей день, началась после распада СССР в 1992 году, когда в Германии вышел закон, позволяющий этническим немцам вернуться на свою историческую родину. Репатриантов этого периода называют поздними переселенцами. Таким образом, при распаде Советского Союза российские немцы получили возможность вернуться на свою историческую родину, доказав свою этническую принадлежность.

Проведённое исследование основано на ключевых теориях о национализме и национальной идентичности таких авторов как Р. Брубейкер и Ф. Купер, Б. Андерсон, Ламонт и Молнар, Крейг Калхун и др., а также российских исследователей: А. Миллер, В. и А. Магун, Дробижева, Э. Паин и другие. Национальная идентичность в данной работе следует рассматривать в системе ёмких терминов, предложенных Р. Брубейкером и Ф. Купером. Также, исходя из прочитанной литературы, было дано определение для национальной идентичности как чувства причастности и общности к национальной группе, самоидентификация по отношению к ней и взаимное распознавание принадлежности к таковой между самими членами группы, которые основывают её на коллективной общности за счет таких черт и характеристик как, например, общая история, использование одного языка, происхождение, осуществление определенных общих культурных практик.

Анализ эмпирической части включает в себя анализ 20-ти интервью с выявлением основных факторами, взаимодействующими с национальной идентичностью российских иммигрантов, а также сравнительный анализ с результатами количественного исследования, проведенного в 2016-ом году

² Federal office for migration and refugees. URL: <http://www.bamf.de/EN/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 20.04.2018)

относительно основных характеристик, мнений и практик изучаемой группы.

Глава 1 История вопроса

1.1. Миграционная политика ФРГ

На сегодняшний день Федеративная Республика Германия занимает одно из первых мест в мире по количеству иммигрантов. По данным “Дестатис” - Федеральное Статистическое Управление в Германии - только в 2013 году в Германии проживало около 10 миллионов мигрантов, получивших гражданство ФРГ. К концу следующего года “Дестатис” насчитало более 8-ми миллионов жителей, имеющих лишь вид на жительство в Германии и обладающих гражданством другого государства. Среди мигрантов в Германии крупнейшими национальными меньшинствами являются турки, они составляют 12,8% от общего количества мигрантов из разных стран, поляки - 11,4%, россияне - 9%, выходцы из казахстана - 6,9%, румыны - 4,4%, итальянцы - 4% и греки - 2,1%.³

Одним из факторов, способствующих увеличению количества иммигрантов является демографическая проблема, проявившаяся в низком коэффициенте рождаемости во второй половине XX-ого-начале XXI-ого века при стремительном развитии экономики. Отрицательный прирост населения привел к нехватке граждан трудоспособного возраста, и, как следствие, стали привлекаться мигранты из за рубежа.⁴ Например, договоры о трудовой иммиграции были заключены Германией с рядом стран Европейского союза

³ Destatis, Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2015/03/PD15_097_12521.html;jsessionid=1A4BF24946899912ADDB53A3CD42553B.cae1 (дата обращения: 20.04.2018)

⁴ Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт //Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №. 7. – С. 50-60.

(например, с Италией и Грецией в 1955-ом и 1960-ом годах), а также с такими странами, как Турция, Марокко, Тунис и т.д.

Как замечает Л. Карачурина в статье “Иммиграционная политика Германии: успешный - неуспешный опыт” многие гастарбайтеры должны были находиться на территории страны лишь до определенных сроков, которые впоследствии пришлось продлить из-за высокой потребности в рабочей силе:

“Свобода передвижения внутри ЕС и ЕЭП предопределяет значительный международный трудовой обмен (...). При этом, сообразуясь с хорошо известным выражением о том, что «ничего не бывает более постоянного, чем временное» временные трудовые формы миграции не всегда, но зачастую превращаются в миграцию на постоянное место жительства.”⁵

Говоря же об иммиграции из России в Германию, принято выделять четыре “волны” эмиграции: с 1920-х по 1930-е годы, с 1940-х по 1950-е годы, 1970-е годы. Четвертая волна, начавшаяся в 90-х годах продолжается до сих пор. Именно в этот период, когда начала формироваться легальная терминология для различных групп мигрантов, в публичном дискурсе появляется такая категория как “русские немцы” (поздние переселенцы и представители их семей).⁶

1.2. Эмиграция из СССР. Основные законы и положения

Долгое время в Германии “на законодательном уровне отсутствовали нормативные акты в области иммиграции и/или миграционной политики, в официальной риторике наличествовало только понятие «репатриация»”.⁷ До сих пор программы репатриации этнических немцев и их семей и репатриации лиц еврейской

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

национальности являлись одними из основных правовых пунктов иммиграции в Германию из России.

Среди основных законов об иммиграции и репатриации можно выделить следующие.

- Закон об изгнанных и беженцах 1953 года, согласно которому, все представители немецкой национальности, изгнанные из страны в 40-е годы, имеют право на репатриацию. Данный закон положил начало массовой волне эмиграции из СССР в 60-е - 70-е годы. Со времени вступления данного закона в силу по данным Федерального Управления по Миграции и Беженцам (ФУМБ), в Германию эмигрировали более 4,5 миллионов этнических немцев из бывшего СССР, включая их семьи.⁸

- В 1992 году во время распада СССР вступил в силу другой закон, позволяющий этническим немцам вернуться на свою историческую родину. Репатриантов этого периода называют поздними переселенцами. Таким образом, при распаде Советского Союза российские немцы получили возможность вернуться на свою историческую родину, доказав свою этническую принадлежность. В связи с масштабным потоком мигрантов, правительство было вынуждено установить квоту на количество въезжающих по данному пункту – по данным ФУМБ в период с 1990-ого по 2012-й годы количество переселенцев значительно уменьшилось. В 2012-м году в Германию эмигрировало лишь 1817 этнических немцев и членов их семей. Тем не менее, рост иммиграции можно было наблюдать уже в 2015-году, когда было зарегистрировано 6118 переселенцев.⁹

⁸ Federal office for migration and refugees. URL: <http://www.bamf.de/EN/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 20.04.2018)

⁹ Там же

- В 1999 и 2000 годах выходят законы, предоставляющие возможность получения немецкого гражданства при рождении детей в семьях иностранцев, при соблюдении многих условий, таких как, например, правомерность нахождения родителей на территории ФРГ, а также их длительный срок проживания в стране (не менее 8-ми лет).
- Закон об иммиграции от 2005-ого года одновременно упростил и усложнил условия въезда для выходцев из стран, не входящих в Европейский Союз, являющихся высококвалифицированными специалистами. Документ учреждает несколько форм разрешения на пребывание на территории страны: вид на жительство и право на пребывание иностранного гражданина в ФРГ. В этот период также несколько видоизменяется процесс приёма из бывшего СССР поздних переселенцев и их семей – вводится обязательная экзаменация на знание немецкого языка, при которой поздний переселенец должен продемонстрировать владение языком на уровне от А1 и выше.

Положение членов семьи поздних переселенцев определяются через параграфы Закона об изгнанных № 4,7,8. Под пункт №4 попадает сам поздний переселенец, которого идентифицируют как лицо немецкой национальности (в том числе и по паспорту), родившееся на территории бывшего СССР или Восточной Европы, владеющее немецким языком хотя бы на элементарном разговорном уровне. Репатрианты данной категории, доказав свою этническую принадлежность, автоматически получают немецкое гражданство, а также бесплатные курсы интеграции, обеспеченные ФУМБ, для себя, своих супругов и детей, признается их академическая и профессиональная квалификация.

В параграфе закона №7 содержится информация для супругов поздних переселенцев их потомков. В зависимости от времени, проведённого в браке,

супруги либо также получают статус позднего переселенца и гражданство ФРГ, либо постоянно продлеваемый вид на жительство, который можно изменить на гражданство по истечении 3-х лет. В обоих случаях стаж работы в родной стране не учитывается при начислении пенсии. Потомки позднего переселенца имеют право на немецкое гражданство даже в тех случаях, когда по документам не идентифицируются как этнические немцы (в графе “национальность” в паспорте записана другая этническая принадлежность).¹⁰

Членам семьи поздних переселенцев, не попадающих под категории супружества и потомков, соответствует параграф №8. Согласно ему, они могут получить вид на жительство, а также запросить гражданство в зависимости от конкретного случая и степени родства с поздним переселенцем через 3-15 лет проживания на территории ФРГ. Несмотря на то, что данная категория иммигрантов не имеет столько же выгод как поздние переселенцы и их ближайшие родственники, они, тем не менее, имеют право на социальную помощь со стороны государства (например, стипендиальные выплаты в высших учебных заведениях страны и медицинская страховка).¹¹

1.3. Эмиграция из РФ

Среди российских иммигрантов четвертой волны, начавшейся в после распада Советского союза, можно выделить несколько категорий: российские немцы (поздние переселенцы), российские евреи и этнические русские (экономические иммигранты).

Решение о возвращении на свою историческую родину кажется довольно естественным для такой категории как российские немцы. Среди иммигрантов в Германии они являются наиболее привилегированной категорией. Тем не менее, интеграция этой группы в немецкое общество в

¹⁰ Статья 116. Конституция ФРГ. Электронный ресурс //Режим доступа: <http://www.uznal.org/constitution.php>. – 2014.

¹¹ Federal office for migration and refugees. URL: <http://www.bamf.de/EN/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 20.04.2018)

Германии усложняется тем, что прожив в российском обществе продолжительное время, они испытывают большое влияние российской культуры на свою общину, о чем сказано, например, в статье Войлоковой «Русские в Германии пример успешной интеграции»:

«На сегодняшний день весьма малый процент «русских немцев» в достаточной мере владеет немецким языком и знает немецкие традиции. Ситуация усугубляется сокращением длительности языковых курсов, предоставляемых переселенцам немецким правительством, и неудовлетворительной работой немецких культурных центров в России»¹²

Не попадающие под категорию поздних переселенцев и членов их семей россияне иммигрируют в Германию, в основном, в поиске экономической стабильности. На сегодняшний день проблема эмиграции из Российской Федерации в Германию довольно популярна в российском публичном дискурсе. Наряду с высокой смертностью и низким коэффициентом рождаемости в РФ (например, коэффициенты смертности и рождаемости в 2017 году оказались равны 12,9/ 1000 населения, а естественный прирост - 0,02)¹³ на протяжении многих лет эмиграция из России также явилась одной из причин демографического кризиса в стране.¹⁴

О необходимости вернуть соотечественников часто говорят политики, связывая это с недостатком рабочих рук и интеллектуального потенциала, убывающего со времен СССР и по сегодняшний день.¹⁵ В статье «Эмиграция ученых из России: "циркуляция" или "утечка" умов» (исследование проведено в рамках проекта по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых) С. Рязанцев и Е.

¹² Войлокова Т. Н. Русские в Германии пример успешной интеграции? //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – №. 2 (102).

¹³ Statdata. Население России: численность, динамика, статистика. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 21.04.2018)

¹⁴ Там же

¹⁵ См. напр., Парламентская газета. Шерин: ЛДПР призывает вернуть из-за границы российских соотечественников. 23.11.2017 URL: <https://www.pnp.ru/politics/sherin-ldpr-prizyvaet-vernut-iz-za-granicy-rossiyskikh-sootchestvennikov.html> (дата обращения: 21.04.2018)

Письменная говорят об увеличении масштаба эмиграции образованного слоя населения в Западные страны по причине возможности получения там лучших условий для реализации своих знаний и навыков. По данным исследования только в 90-е-2000-е годы из России выехали около 75% ведущих математиков и 50% физиков-теоретиков.

Германия является одной из трёх стран, наиболее часто выбираемых для иммиграции (наряду с ней, россияне также выбирают для переселения США и Израиль). Сокращение выезда высококавалифицированных россиян в период с 2002 по 2010 годы оказалось заметным, хотя при этом увеличилось число временных трудовых иммигрантов. Авторы отмечают, что “временный” характер иммиграции часто проявляется в сохранении российского гражданства скорее с целью поддерживать связь с близкими, чем с целью вернуться на родину, но по факту эта категория россиян может не иметь стремления вернуться в РФ.¹⁶

В связи с частыми случаями эмиграции представителей населения РФ, правительство делает попытки вернуть соотечественников или хотя бы сократить масштабы так называемой “утечки умов”. Например, в 2012 году президентом Российской Федерации был издан указ № 1289 "О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" Согласно этому закону, основными целями данной программы является *«стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, содействие социально-экономическому развитию регионов и решение демографических проблем»*.¹⁷

Таким образом, миграционные процессы из России в Германию (как одну из наиболее часто выбираемых стран самими иммигрантами) являются

¹⁶ Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. – 2013. – №. 4. – С. 24-35.

¹⁷ Сайт МВД России. URL:

https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots (дата обращения: 21.04.2018)

не только важными для внутренней ситуации в России, но также и влияют на межкультурный дискурс в Германии. Значительное количество людей из России, предпочтящих переезд в эту страну, неизбежно привносят свои культурные элементы в принимающую среду, формируя свой особый слой населения.

Глава II Теоретические сведения

2.1. Национальная идентичность и национализм

На сегодняшний день уже существует большое количество литературы на тему национальной идентичности и национализма. Среди теорий относительно появления национализма выделяют теории модернизации и зависимого развития. Согласно первой из упомянутых, новые системы коммуникации с внедрением образования и развитием средств массовой информации устранили прежние институты, стоящие между индивидом и государством. Таким образом, национализм возникает, когда индивид перестает относить себя к общности, являющейся посредником между ним и государством, и начинает идентифицировать себя по отношению к нему напрямую. О том, что идентификация с национальным обществом приходит на смену привязанности к общине говорят такие теоретики с позиции конструктивизма, как например, Геллнер, Дойч, Андерсон и Хобсбаум.

Социолог Бенедикт Андерсон представил нацию как воображаемое сообщество, сконструированное людьми, которые отождествляют себя с ним, в результате изменения династической и религиозной власти и установления общего языка внутри нации через развитие различных видов коммуникации. Воображённым сообществом является по тому критерию, что *“члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже*

*слышать о них, в то время, как в умах каждого из них живет образ их общности”.*¹⁸

Андерсон не сходитя в едином мнении с Геллнером о том, что «Национализм не есть пробуждение нации к самоосознанию, он изобретает нации там, где их не существует». Он спорит с ним, когда Геллнер приравнивает изобретение к фальсификации, а не к воображению и творению, так как все сообщества крупнее первобытных деревень (хотя автор не исключает, что и они тоже), так или иначе, являются воображаемыми. Бенедикт Андерсон также является сторонником мнения о том, что национализм происходит из культурных систем и связан с ними гораздо больше, чем с политическими идеологиями.

С концепцией зависимого развития связаны работы Иммануила Валлерстайна. Автор классифицирует страны на центральные (доминирующие), полупериферийные и периферийные. Такое деление обусловлено неравным распределением ресурсов между странами.¹⁹ Исходя из предложенной Валлерстайном системы координат, Алексей Миллер составляет представление об идеологических посылах концепции, где национализм выступает как реакция периферийного или полупериферийного общества на осознание своего положения по отношению к центральным странам. Смысл такой трактовки национализма в стремлении периферии ослабить дискомфорт общества, как побочный эффект могут появляться идеи избранности, преимущества отсталости, чтобы её оправдать.²⁰ Реакция на чувство неполноценности и колониального положения представляет собой своего рода рессентимент, проявляющийся в идеях о национализме и национальной исключительности, объединяющих нацию.

¹⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – 2001.

¹⁹ Wallerstein I. M. The Modern World-System. Vol. I, II. N. Y., 1974, 1980

²⁰ Миллер А. Национализм как фактор развития //Общественные науки и современность. – 1992. – №. 1. – С. 124-132.

Иначе, чем с точки зрения конструктивизма, национализм рассматривается в рамках теории эссенциализма, согласно которой нация является объективной культурной исторической и этнической сущностью. Таким образом, национальная идентификация не играет значительной роли, а скорее лишь подтверждает происхождение человека. Критика эссенциализма возникла со стороны сторонников постмодернистской теории, согласно которой эссенциалисты, рассматривают характеристики группы, не принимая во внимание возможность их трансформации и изменения, также игнорируя различные вариации индивидуальных случаев среди членов самой группы. Данная теория на данный момент практически исчезла из западного академического дискурса.

Для того, чтобы объяснить термин национальной идентичности в контексте данного исследования, обратимся к тексту Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами идентичности». Говоря о сложности в использовании данного термина в научной литературе, авторы отмечают, что он означает либо слишком много, либо слишком мало. Они рассматривают понятие “идентичности” как категорию социального и политического анализа, стремясь придать ей больше определённости, ведь если *“идентичность везде, то она нигде”*.²¹ Один из тезисов Брубейкера и Купера в данной статье заключается в том, что современные социальные и гуманитарные науки сдались термину, утратившему смысл вследствие чрезмерной употребляемости в самых разных контекстах и значениях, часто даже противоречащих друг другу. Вместо них авторы предлагают несколько кластеров из “менее нагруженных смыслом терминов”:

1. Идентификация как форма маркирования себя и других, не обязывающая к созданию внутригруппового тождества. Идентификация может происходить за счет позиционирования в

²¹ Brubaker R., Cooper F. Beyond identity. Theory and society 29. Kluwer Academic Publishers, p. 1-47, 2000

сети отношений или же за счет принадлежности к категории людей с общими атрибутами, такими как раса, этнос, язык, национальность, гражданство и т.д. Немаловажным идентификатором является государство.

2. Самопонимание - *“чувство того, кто ты есть, социальной принадлежности и, как производная от первых двух, готовности к определенному рода действию.”*²²

3. Общность, связанность и групповость как принадлежность к обособленной и чётко определённой группе и эмоциональная форма самопонимания.²³

В этом исследовании национальная идентичность будет рассматриваться через критерии, представленные Брубейкером и Купером, что не только предоставляет возможность для более глубокого анализа данных, благодаря четкой формулировке таковых, но и позволяет взглянуть на “идентичность” как динамический процесс.

Перед тем как дать определение терминам “национализм” и “национальная идентичность” в том виде, в котором оно используется в данной работе, имеет смысл также обратить внимание на использование таких категорий как «патриотизм» и «национализм» на практике.

Учёные, специализирующиеся на изучении упомянутых феноменов, часто отмечают, прежде всего, негативную окраску слова «национализм» в языковом обиходе.²⁴ В контексте российских реалий Алексей Миллер утверждает, что эта тенденция сильна, так как тема оказалась подвержена деформации остатками советской идеологии, что в некоторых случаях мешает пониманию западных научных текстов и заставляет искать слова-заменители вроде «национальное самосознание» или «национальные

²² Там же

²³ Там же

²⁴ См. напр., Миллер А. Национализм как фактор развития //Общественные науки и современность. – 1992. – №. 1. – С. 124-132., Паин Э. А., Простаков С. А. Многоликий русский национализм. Идеино-политические разновидности (2010-2014 гг.) //ПОЛИС. Политические исследования. – 2014. – №. 4. – С. 96-113.

чувства».²⁵ О похожей проблеме высказываются и Р. Брубейкер, говоря о том, что стереотип о «хорошем патриотизме» и «плохом национализме» также характерен и для западных академических кругов. В этом случае, принято связывать национализм с не критическим отношением к власти и уничижительным отношением к другим группам, в то время как патриотизм может подразумевать стыд за свою страну в той же мере, что и гордость за неё.²⁶ Далее социолог делает существенное замечание, говоря, что нужно иметь в виду чрезвычайную гибкость использования приведенных терминов в политическом языке. И. Валлерстайн в статье “Раса, нация, класс” выражает похожее мнение, говоря, почему может быть трудно определить национализм: *“это понятие никогда не употребляется само по себе, но всегда выступает внутри цепи, в которой оно является одновременно центральным и слабым звеном. Эта цепь постоянно обогащается новыми терминами(...): гражданственность, патриотизм, популизм, этнизм, этноцентризм, ксенофобия, шовинизм, империализм, джингоизм”*.²⁷ Согласно автору, невозможно раз и навсегда определить природу национализма и патриотизма, и тем не менее, он не исключает, что их можно проинтерпретировать в зависимости от идеологических обстоятельств.

Из этого следует, что несмотря на сформулированные различия между двумя терминами, стоит иметь в виду их подвижную природу, так как “патриотизм” и “национализм”, оставаясь скорее категориями практики, чем научными концептами, применяются в различных контекстах, чрезвычайно подвержены интерпретации и не всегда четко дифференцируются между собой.

²⁵ Миллер А. Национализм как фактор развития //Общественные науки и современность. – 1992. – №. 1. – С. 124-132.

²⁶ Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме //Ab Imperio. – 2006. – Т. 2006. – №. 2. – С. 59-79.

²⁷ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс //Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното. – 2003. – Т. 272.

Как правило, в научной литературе на данную тематику принято определять национализм как своего рода проект, предназначенный для объединения государства с такой культурной единицей как нация. Например, в работе Дж. Фокса и С. Миллер-Идрис национализм – это сконструированный политический проект, который состоит в тесной взаимосвязи и был бы невозможен без ряда культурных конструктов, производимых нацией.²⁸

Национальная идентичность, в таком случае будет определяться как чувство причастности и общности к национальной группе, самоидентификация по отношению к ней и взаимное распознавание принадлежности к таковой между самими членами группы, которые основывают её на коллективной общности за счет таких черт и характеристик как, например, общая история, использование одного языка, происхождение, осуществление определенных общих культурных практик. Чувство принадлежности к группе не только конструирует саму общность, но и проводит границы между другими группами.

2.2. Изучение идентичности мигрантов

Нация осознаёт себя через множество символических ресурсов, она конструирует границы внутри и по отношению к другим группам, которые так или иначе влияют на её самоосознание и самоидентификацию. Роль мигрантов внутри этого процесса особенно интересна с точки зрения конструирования границ.

То, что на сегодняшний день известно о практиках включения и исключения среди групп, а также об установлении границ между ними, изложено в статье М. Ламонт и В. Молнар “Изучение границ в общественных науках”. Авторы предлагают рассмотреть категории “символических” и

²⁸ Fox J. E., Miller-Idriss C. Everyday nationhood //Ethnicities. – 2008. – Т. 8. – №. 4. – С. 536-563.

“общественных” границ в контексте создания, учреждения или даже ликвидации институционализированных общественных различий.

Символические границы, согласно Ламонт и Молнар, представляют собой концептуальные различия, созданные общественными акторами для категоризации объектов, людей, практик и даже времени и пространства. *“Они играют роль инструментов, которыми пользуются общности и индивидуумы, чтобы утверждать или оспаривать определения реальности. Их изучение позволяет запечатлеть подвижность измерений в общественных отношениях, так как общности соперничают в производстве, отторжении и институционализации принципов классификации.”*²⁹ Символические границы также разделяют людей на группы и генерируют чувство схожести и причастности к таковым.

Общественные границы являются объективизированными формами общественных разграничений, выраженных в неравном доступе и распределении материальных и нематериальных, а также социальных возможностям. *“Только когда символические границы оказываются общепринятыми, они могут принимать ограничительный характер и модулируют общественное взаимодействие. Лишь в этом случае они становятся социальными границами, т.е. переводятся в идентификационную форму общественного исключения или даже сегрегации.”*³⁰

Согласно авторам исследования, изучение границ общностей и национальной идентичности доказывает, что национальная идентичность определяется реляционно и вытекает из динамики процессов взаимодействия и переговоров между локальными и национальными силами. Исследователи также указывают на то, что в случае с национальной идентичностью пространство, нация и культура не обязательно сходны друг другу.

²⁹ Lamont M., Molnár V. The study of boundaries in the social sciences // Annual review of sociology. – 2002. – Т. 28. – №. 1. – С. 167-195.

³⁰ Там же

В статье представлены четыре тенденции исследования общностей. Во-первых, существует долгая традиция исследования, восходящая к Чикагской школе изучения общностей, которая рассматривает символические границы общностей и делает упор на использовании ярлыков, категоризации и межличностных интеракций.

Во-вторых, некоторые социологи (как например, Гоулд, Вайт и Тилли) связывают общности, нетворкинг и систему пониманий вместе. Например, Гоулд объясняет изменения роли класса в коллективной мобилизации революционного движения во Франции в 1848 году и Парижской коммуны 1871 года через появление сильной идентификации по отношению к своему району, что привело к тождеству идентичности участников и способствовало коллективной мобилизации.³¹

Ещё одной тенденцией в научной литературе о социальных границах является обращение к теме общностей, в которых необязательно существование личных контактов. Например, Бенедикт Андерсон говорит о воображаемом сообществе, члены которого связаны друг с другом в большей степени общими идентичностями и в меньшей степени межличностными отношениями³²; а Крейг Калхун в статье “Непрямые отношения и воображаемые сообщества” говорит, что свойственные воображаемым сообществам непрямые отношения также включают в себя отношения, опосредованные информационными технологиями. Они являют собой мир воображаемых личностных связей через такие каналы как телевидение, визуальная или печатная репрезентация или традиция.³³ Представители таких сообществ имеют в своем распоряжении общие системы классификаций для идентификации инсайдеров и аутсайдеров, а также лексикон и символы, посредством которых они создают общую идентичность.

³¹ Gould R. V. *Insurgent identities: Class, community, and protest in Paris from 1848 to the Commune.* – University of Chicago Press, 1995.

³² Андерсон Б. *Воображаемые сообщества.* – 2001.

³³ Calhoun C. *Indirect relationships and imagined communities: Large scale social integration and the transformation of everyday life.* – 1991.

Четвертая тенденция, к которой обращаются авторы, является актуальным философско-политическим нормативным дискурсом о либеральном национализме и прогрессивном космополитизме. Как полагают сами авторы статьи, несмотря на то, что подобные дебаты вовлекают эмпирические исследования общественных наук лишь в редких случаях, они являют определенную важность, так как затрагивают проблему общественных границ в контексте политического включения и исключения, а также сосредотачиваются на обязанностях, которые имеют люди по отношению к группам многочисленных “других”.³⁴

Опыт ощущения и конструирования границ во многом обеспечивается и государством, которое не только является мощным идентификатором, но и продуцирует символы национальной идентификации в том числе и через идеологию. Этот процесс идентификации формально и неформально обуславливает взаимодействия между представителями различного рода общностей, будь то местные общины или государства, что позволяет рассмотреть национальную идентичность на различных уровнях, в том числе на уровне взаимодействия мигрантов и их сообществ с принимающим сообществом.

Например, Баубек в своей статье “Пересечение и размывание границ в международной иммиграции” занимается изучением взаимодействия мигрантов с принимающей средой. Опираясь на анализ изменений языка интеграции и мультикультурализма в различных условиях он утверждает, что мигранты размывают такие границы как границы территории, политического гражданства и культурные (символические) границы национальных общностей.³⁵

Тема взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом (и как следствие, влияние на него) является особенно релевантной в отношении

³⁴ Lamont M., Molnár V. The study of boundaries in the social sciences //Annual review of sociology. – 2002. – Т. 28. – №. 1. – С. 167-195.

³⁵ Bauböck R. The crossing and blurring of boundaries in international migration. Challenges for social and political theory //Public policy and social welfare. – 1998. – Т. 23. – С. 17-52.

проблемы коммуникации многих мультикультурных сообществ с той точки зрения, что в процесс определения символических границ национальной идентичности вмешивается новая общность, которая также начинает принимать участие в определении тех или иных символических ресурсов, являющихся основой для установления общественных границ.

2.3. Национальная идентичность в России и Германии

Вопрос о становлении национальной идентичности в России проявился особенно сильно после распада СССР. В новых политических реалиях оказалась необходимой новая национальная идея. Развитие этнической идентичности у русских началось после распада СССР. Э. Паин утверждает, что в России никогда не существовало национальной политики в контексте нациестроительства.³⁶ Одной из целей советской идеологии было создать идентичность советского человека, основанной на гражданстве и в как можно меньшей мере привязанной к какой-либо этнической группе. Результатом этой политики стал «паразитический конгломерат из, по существу, несовместимых политических и психологических установок»: с одной стороны, строительство универсальной и единой для всех наций идентичности, отрицающей этничность, и с другой - «спонсорство этничности, систематическое конструирование этно-наций».³⁷

Задача формирования новой российской идентичности состояла в солидаризации российских граждан в условиях распада СССР, то есть носила политический уравнивающий характер. Параллельно с ней этническая идентичность самих русских начала развиваться, способствуя социальной и политической дифференциации с представителями других наций в стране.³⁸ В

³⁶ Паин Э. Между империей и нацией. 2-е изд., доп. — М.: Новое изд-во, 2004.

³⁷ Малахов, В. Скромное обаяние расизма и другие статьи// М: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги, 2001

³⁸ Дробижева, Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ. Глава из книги: Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. — 564 стр.

своей статье «Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ» Л.М. Дробижева утверждает, что даже большинство (68% опрошенных) тех, кто скорее позиционировал себя россиянином, чем русским испытывали к представителям других этнических групп неприязнь и раздражение. Основным объяснением такой позиции явилось то, что представители других культур ведут себя «как хозяева на чужой земле».³⁹ Подобные высказывания часто прослеживаются и у респондентов данного исследования, когда заходит речь о так называемом миграционном кризисе в Германии. Формирование национальной и страновой идентичности россиян описано в исследовании В. и А. Магун «Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения: российские данные в контексте международных сравнений». Авторы рассматривают национализм как социотерриториальную идентичность через чувство связи со своей страной у россиян. Согласно этому исследованию чувство общности у россиян проявляется по отношению к своей малой родине за счёт непосредственных контактов с другими людьми, также за счет средств массовой информации приблизительно в той же мере развивается «общестрановая идентичность». Исследование также выявляет, что в контексте российской действительности этническая идентификация проявляется в большей степени у представителей нерусских национальностей.⁴⁰

В публичном дискурсе принято исходить из того, что Российская Федерация является многонациональным государством. Федеративная Республика Германия же едва ли воспринимается таковой, несмотря на то, что национальная идентичность немцев последние полвека формировалась в условиях привлечения большого количества мигрантов из разных частей мира уже со второй половины XX-ого века. Немецкая национальная идентичность начала складываться в период правления Отто Бисмарка, и

³⁹ Там же

⁴⁰ Магун В. Ася Магун. «Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения: российские данные в контексте международных сравнений».

пережила немало испытаний таких как Первая и Вторая Мировые войны с последующим чувством вины, которое, казалось бы, могло пошатнуть самоидентификацию немцев по отношению к своей группе и государству. В послевоенное время национальная идентификация оказалась затруднена опытом нацизма, и последующим после войны разделением страны, части которой попали под влияние СССР и таких стран как США, Великобритания и Франция, оказавшихся впоследствии в противостоянии. Во время разделения страны на два лагеря, массовая иммиграция иностранных рабочих и репатриантов, которые, неизбежно оказывали влияние на национальную идентичность в стране в стремительно изменяющихся реалиях.⁴¹ В настоящий момент страна является активным членом Европейского союза, испытывая сопутствующую этому членству повестку о формировании двойной идентичности: с одной стороны к Европе в целом, а с другой – к родной стране. Высокие экономические показатели Германии являются одновременно и фактором, способствующим национальной гордости, свидетельствующем о состоятельности страны и её некотором превосходстве, так и фактором привлечения новых потоков мигрантов из ЕС и не только.⁴²

Как и в случае с россиянами, жители Германии также имеют часто тяготен к своей региональной идентичности. Этничность коренных немцев представлена множеством субэтничностей, таких, как, например, баварцы, франконцы, саксонцы, швабы и проч. Представители этих групп коренного населения говорят на разных диалектах немецкого языка, исповедуют разные религии и осуществляют отличающиеся между собой культурные практики вроде праздников, национальной кухни и т.д.⁴³

⁴¹ EXRUS.eu. Русско-немецкий социально-экономический портал. К вопросу национальной идентичности в Германии и России. URL: <https://ru.exrus.eu/K-voposunatsionalnoy-identichnosti-v-Germanii-i-v-Rossii-id4dc96a4c6ccc195a24000012> (дата обращения: 25.04.2018)

⁴² Вайнштейн Г. и др. Европейская идентичность: желаемое и реальное //Полис. Политические исследования. – 2009. – №. 4. – С. 123-134.

⁴³ Joshuaproject. URL:<https://joshuaproject.net/countries/GM> (дата обращения: 25.04.2018)

Глава 3 Анализ эмпирических данных

3.1 Анализ интервью

В данном исследовании российских иммигрантов наиболее важным был вопрос о неоднозначности их национальной идентификации, её противоречивом характере и каким образом она проявляется.

Исходя из прочитанной литературы изначально предполагалось несколько вариантов самоопределения иммигрантов. В первом случае, попадая в принимающую среду, российский мигрант будет в большей степени ориентироваться на свою российскую идентичность и предпочитать взаимодействие внутри своей группы, при этом ограничивая контакты с представителями других культур и национальностей. Другая возможность состояла в предположении, что, попадая в новую среду и в результате трансформации идентичности, русский мигрант будут всё меньше опираться на свою прежнюю идентичность. Ещё один вариант заключался в вероятности построения мигрантами гибридной идентичности, состоящей из компонентов самоопределения одновременно и по отношению к России, и к Германии.

Так как сбор интервью осуществлялся методом “снежный ком” (подбор информантов через контакт с предыдущим респондентом), то не удалось избежать некоторой погрешности в выборке интервьюируемых. Всего удалось собрать 20 интервью, среди которых шестеро в возрасте от 55-ти до 64-х, ещё шестеро попадают под категорию молодежи - от 19-ти до 25-ти лет, и восемь в возрасте от 28 до 35 лет.

Среди них можно выделить следующие категории иммигрантов:

1. Поздние переселенцы (6 человек) – этнические немцы, эмигрировавшие из России в Германию в 1992 году во время начала так называемой четвертой волны иммиграции и получившие немецкое гражданство как репатрианты.

2. Члены семей репатриантов, получившие немецкое гражданство (7 человек) – сюда входят как близкие родственники (супруги и дети), попадающие под параграф закона о поздних переселенцах №7, так и представители семьи репатриантов, не являющиеся их супругами и потомками (внуки), чье нахождение на территории ФРГ регламентируется параграфом закона №8.

3. Информанты, приехавшие с академическими целями, старшие представители которых в результате получили вид на жительство (7 человек). Данная категория является нечёткой, поскольку некоторые из респондентов имели возможность переезда в Германию благодаря родственным связям с гражданами страны. Тем не менее, категоризация по данным обстоятельствам их пребывания основана на том, что информанты сами признавали её основной (учеба с целью получения более выгодных экономических условий в более развитой стране), а также исходя из структуры самих интервью, где они строят свою речь вокруг своего академического-экономического опыта в Германии.

Следует отметить, что характерной чертой для всех информантов оказалась склонность не идентифицировать себя по отношению к немцам при прямом высказывании в ответ на вопрос об ощущении общности с той или иной национальной группой. Также говоря о своем опыте в России, информанты проявляли тенденцию ассоциировать страну со своей малой родиной, часто обобщая свои рассуждения о проблемах своего региона, выводя их на страновой уровень. Таким образом, люди из столиц проявляли больше готовности рассмотреть переезд обратно в Россию, хотя и не изъявляли прямого желания. Информанты, осуществившие переезд из стран бывшего СССР или городов южной части России, например, казались более осведомленными о проблемах той местности, и вне зависимости от уровня идеализации России или Германии, напрямую говорили о несостоятельности идеи о переезде, ссылаясь на лучшие экономические возможности в Германии,

чем в России, проживание семьи в Германии, и даже страх потерять свою идентичность.

Помимо разделения категорий исследуемых российских иммигрантов, можно провести условную категоризацию относительно того, как оказалась высказана национальной идентификации ими самими относительно себя. Такое разделение информантов по их собственному самопониманию, не явилось финальной целью исследования, а лишь служит, своего рода ярлыками, благодаря которым оказалось легче сгруппировать респондентов, причисляющих себя к той или иной общности и выделить основные черты среди тех респондентов, которые при разговоре идентифицировали себя схожим образом. Условность этого самопонимания важно учитывать при обнаружении и анализе схожих противоречий, допускаемых информантами в случаях, когда при прямом ответе на вопрос они примерили на себя одну самоидентификацию, но далее в разговоре противоречили ей в своих ежедневных практиках и интеракциях.

Национальная идентичность информантов, являющаяся целью этого исследования, будет проанализирована с помощью кластера терминов Р. Брубейкера и Ф. Купера на соотношение с высказанной самоидентификацией в разговоре и исходя того, как респондент говорил о себе и позиционировал себя в течение интервью с точки зрения своей повседневной жизни.

Другой немаловажной деталью исследования явилась необходимость поделить представителей этнических немцев на две группы. Связано это с тем, что респонденты данной категории родились и провели значительную часть жизни на территории СССР, где они находились в тесном кругу общности таких же русских немцев как и они сами, а также тем, что все информанты выборки имели склонность выбирать круг общения тем же образом, как они это делали, когда жили в России. Очевидной оказалась разница в поведении и самопонимании тех, кто включали в свой круг общения представителей российской среды больше, и тех, кто либо совсем не взаимодействовали с таковыми до определенного возраста, либо взаимодействовали, но не имели с

ними близких контактов. Таким образом, представители одной и той же статусной категории поздних переселенцев-этнических немцев оказались распределены по-разному среди выделенных вариантов национальной идентичности.

Итак, среди условных категорий национальной идентичности информантов можно выделить следующие:

1. Русский(-ая)/Россиянин(-ка)/ также вариант “патриот России”.

Важно отметить необходимость учитывать смещение понимания различий между “русским” и “российским” в тех случаях, когда язык используемый респондентом в большей степени, не подразумевает разницы между этими двумя, так как имеет одно и то же слово для двух разных пониманий в русском языке (“*russisch*” – в немецком может означать как “*русский*” так и “*российский*”). Эту деталь важно учитывать при рассмотрении не только самоидентификации респондента, владеющего немецким языком в достаточной мере, чтобы не учитывать эту неточность, связанную со спецификой языка, но и в контексте ощущения идентификации со стороны представителей принимающей среды.

К данной категории относили себя некоторые этнические немцы, их родственники (не являющиеся их детьми или супругами), а также молодые люди, приехавшие в Германию с академическими целями, имеющие в планах и производящие попытки либо найти работу, либо продолжить свое обучение в ФРГ.

Несмотря на различие в статусе мигранта (поздние переселенцы имеют больше привилегий, чем не прямые родственники поздних переселенцев), во многом схожими оказались ответы репатриантов и представителей семьи репатриантов (в данной подборке люди этих двух статусов не являлись родственниками друг друга). В обоих случаях информанты в большей степени предпочитают российское окружение и признаются, что чаще используют русский язык в своей каждодневной жизни. Небольшое различие относительно используемых языков состояло в том, что в семьях поздних

переселенцев после переезда в Германию усилилась тенденция разговаривать на немецком языке, тем не менее родители это категорически настаивали на том, чтобы их дети знали и уважали русский язык и культуру, подобным образом они также настаивают, чтобы их дети разговаривали на русском языке и со своими детьми.

Показательным является пример Владимира и его жены Марии. В 1992-ом году они переехали из Казахстанской деревни в Берлин вместе со своими четырьмя детьми, которым было на тот момент от 3-х до 11-ти лет.

«<...> стараемся с детьми по-русски говорить, чтоб они не забыли. Но с детьми как-то это хуже, потому что как только они попадают в садик или в школу, там начинается всё по-немецки, и они быстро этот язык подхватывают, и потом приходят домой, и стараются по-немецки говорить. И там уж хочешь-не хочешь тоже начинается вот эта речь немецкая, начинаешь сам говорить. Но всё равно, стараемся, чтобы хотя бы понимали. Вот видите, Юля [младшая дочь], например, она знает русский язык, а она приехала сюда, ей же было 4 года всего! Она уже хорошо говорила по-русски»

В данном случае родители поощряют интерес дочери к русскому языку и даже несколько сожалеют, что среда не предоставляет возможности для их детей и внуков развивать знание языка. Владимир также отметил, что незнание русского языка среди поколения детей поздних переселенцев строит определенную культурную преграду между детьми и родителями, которая, в свою очередь, уже наблюдалась между поколением, к которому он относится и поколением их дедов, живших в России, но, тем не менее, говорящих лишь на немецком языке:

«<...> теперь у нас та же проблема, что раньше была со стариками, потому что теперь наши дети говорят по-немецки, а мы по-русски. Ну а дома, с женой мы говорим только по-русски. Придут две старшие дочери, и мы тоже будем говорить только по-русски, хотя уже немножко иной раз по-немецки, с остальными всеми приходится по-немецки говорить. А с внуками только по-немецки, хотя я по-русски тоже стараюсь говорить. Но тут

тоже проблема, говоришь с ними по-русски - они тебе все по-немецки отвечают, и ты автоматически переходишь на немецкий».

Интересное противоречие обнаружилось, когда Владимир, использовавший некоторые немецкие слова в своей русской разговорной речи как в интервью, так и с сестрой (также являющейся репатрианткой) в телефонном разговоре, вернувшись к интервью, начал тему о сохранении чистоты русского языка, и необходимости прекращения засорения его иностранными словами, что говорит, о неосознанной гибридности идентичности. Похожим образом, он говорил о сохранении в своей семье с давних пор истинно немецкой культуры (в основном, говоря о немецкой кухне), традиции и обычаи которой, по его мнению, местные немцы забывают, размывая свою идентичность:

«<...> ни один местный немец такого не может, они даже свою [национальную кухню] готовить не могут! У них тут спагетти итальянские, Макдональдс, а немецких не найдёшь. Хотя сейчас интересно, и меня это тоже волнует...чтобы наши люди российские не смогли сюда переехать, они должны знать язык и тест проходят, и вот задают им вопросы о том, знают ли они немецкую кухню. Лучше бы он такое задал какому-нибудь местному немцу! <...> А наши сохранили это! И язык наш сохранился! Вот смотри, сейчас в этом немецком современном очень много чужих слов. Вот и Жириновский тоже всё время ратует за чистоту русского языка, а тут за немецкий язык никто не беспокоится, всё поперепуталось, очень много чужих слов»

При этом интересно обратить внимание, что идентификация по отношению к группе происходит, когда респондент выражает ощущение общности и принадлежности к “нашим людям российским”, а также к категории этнических немцев, которые будучи в России смогли сохранить свою культуру и язык.

В случае с интеллектуально-экономическими иммигрантами использование русского языка было связано с частыми контактами с друзьями

и родственниками, оставшимися в России, а также друг с другом. Несмотря на использование немецкого языка на ежедневной основе в рабочих или учебных целях, они продолжали использовать те же коммуникационные ресурсы, к каким они привыкли в России вроде социальных сетей или мессенджеров. Таким образом, информанты считали, что для них удалённость от России практически не повлияла на их общение с родственниками. Например, Марина, на момент интервью обучавшаяся в Техническом Университете в Берлине на вопрос о том, скучает ли она по родине говорит о том, что расстояние и пребывание в другой стране не ощущается для неё критически, поскольку она всё-так же может общаться со своей семьей, благодаря коммуникационным технологиям:

«Сказать, чтобы у меня была прямо тоска по родине, о которой пишут в книгах, например, я точно не могу. Я даже думаю, что если бы я училась в каком-нибудь ВУЗе в России, я бы и не почувствовала разницы, потому что я, всё равно, в любой момент могу позвонить маме по «Whatsapp» или написать подружкам в «Инстаграм», что «хей! Я тогда-то и тогда-то в Москве, давай увидимся!»

Использование родного языка в повседневной жизни девушки было вызвано не только взаимодействием с близкими, находящимися в России, но и ежедневными контактами внутри своей группы студентов из России, в случае чего русский язык приобретал определенную специфику:

«<...> сама знаешь, как это бывает, когда ты в итоге начинаешь говорить на иностранном языке целый день, а потом начинаешь где-то с кем-то общаться и через слово у тебя вылетает что-то немецкое. И если с русскими здесь это зайдёт, потому что тут все такие, то с мамой по телефону ты уже должен следить за базаром, потому что она уже не в теме».

Как и в случае с представленной семьей поздних переселенцев, использование немецких слов в русской речи оказывается идентификатором группы, к которой принадлежит респондент, что одновременно позволяет

респонденту маркировать себя по отношению к ней и маркировать других по тому же принципу принадлежности к группе. В случае с Владимиром и Марией идентификация происходила через вкрапление немецких слов в русскую речь по отношению к той группе, которая бы также имела широкий опыт использования обоих языков, смешивая их в своем ежедневном обиходе – к своей семье и этническим немцам из России, которых Владимир назвал *“наши российские люди”*. Марина проводит эту же идентификацию по форме использования языка по отношению к тем, кто *“в теме”*, то есть также имеет опыт использования русского языка как родного, вводя немецкие слова таким образом, как это бы сделали другие представители её группы – студенты из России в Германии.

Говоря о поддержании контактов с Россией и использовании языка, в том же духе высказывались родственники поздних переселенцев. Сергей и его брат Антон переехали в Берлин около 6-ти лет назад из небольшого города на юге России. Получить немецкое гражданство им помогли дальние родственники, являющиеся гражданами ФРГ.

Сергей: *«Нет, по России не скучаю даже. Во-первых, смысл, если мы ездим в туры по городам раз-два в год? Во-вторых, здесь мне лучше, у меня здесь теперь семья, группа, а с друзьями и родителями мы всегда на связи, а то что в Рашке ловить нечего, это я уже давно понял. <...> пары раз в год [визитов в Россию] вполне достаточно».*

Затронув тему использования языка в повседневной жизни, данные респонденты говорили об использовании русского языка в гораздо большей степени, чем немецкого, который они задействовали лишь в крайних случаях, не смотря на то, что пройдя предоставляемый государством языковой курс, знают его на вполне высоком уровне. В своей речи во время интервью парни не задействовали какие-либо немецкие слова, а позже оказавшись в компании других молодых людей, среди которых были представители интеллектуально-экономических иммигрантов, родственники поздних переселенцев, а также люди из России, не имеющие отношения ни к одной из упомянутых групп,

когда российские иммигранты в компании использовали в своей речи множество вкраплений из немецкого языка, братья реагировали на них и даже сами таким же образом изменяли используемый язык, что, как и в случае Марины, упомянувшей необходимость контролировать используемую речь в отношении группы, к которой обращаешься, указывает на неоднозначную и динамичную природу идентификации мигрантов, в зависимости от группы, в отношении которой они сознательно и несознательно маркируют себя.

Имея опыт долгого проживания в России, респонденты этой категории импортировали многие свои привычки, иммигрировав в Германию. К примеру, в семье Владимира и Марии ещё до переезда сформировалась определённая культура общения между собой на русском языке, которая сохранилась у них и после переезда. Владимир также с гордостью рассказал о том, что его жена всегда прекрасно умела готовить блюда российской и немецкой кухни, которые были частью их семейных традиций. Сергей и Антон ещё до переезда в Германию состояли в нескольких музыкальных группах, известных в их городе, а после эмиграции создание нового музыкального коллектива оказалось одной из важнейших целей братьев. Поиск единомышленников интенционально проводился среди русскоговорящих мигрантов, как они сами отмечают, для того, чтобы избежать недопониманий в коллективе. Их музыкальная группа сочиняет и исполняет песни на русском языке, и является довольно популярной в Берлине не только среди российского контингента, но и среди местного населения. Для Марины и её подруги при переезде в Германию принципиально важным было сохранение их религиозных убеждений. Ещё в России девушки посещали протестантскую церковь, и поиск новой церкви в Германии оказался для них одной из первоочередных задач.

Привычки и практики, перенесённые респондентами из российских реалий сказались и на предпочтении информационных ресурсов. Если поздние переселенцы, переехавшие при распаде СССР, предпочитают российское федеральное телевидение, то интеллектуальные иммигранты и дальние

родственники поздних переселенцев (которые в этой выборке представляли собой молодых людей от 22 до 30 лет), в основном, предпочитали такие СМИ как «Лентач»/ «Настоящий лентач», «Мурзилка», «Медуза», блог Алексея Навального и другие. Среди данной категории поздних переселенцев (55-65 лет) оказалось распространено телевидение скорее, чем интернет-ресурсы, основными популярными ответами были социально-политические ток-шоу «Первого канала», передача «60 минут», также для нескольких респондентов, принадлежащих к кругу общения друг друга, идентификатором качества телепередач являлось участие в ней Владимира Соловьева.

Импорт российских установок, относительно раздражения и некоторой неприязни к представителям других этничностей, упомянутый в предыдущей главе оказался ощутим в контексте так называемого мигрантского кризиса в Германии, связанного с прибытием большого количества беженцев из Сирии. Беспокойству на этот счёт оказались подвержены респонденты, смотрящие российское телевидение. Например, жена Владимира выразила негодование в связи с заселением беженцев неподалеку от места их проживания, что нарушало их покой в ночное время, сам же Владимир высказался насчёт проблемы интеграции людей этой группы в европейское общество, что по его мнению, не стоит затраченных средств государства и его собственных налогов, хотя в целом оба респондента оценивали своё отношение к мигрантам и беженцам как вполне дружелюбное.

Ещё одна заметная тенденция среди группы, идентифицирующих себя как «русские» состоит во времени, которое респонденты провели в Германии. Чем непродолжительнее оказывалось пребывание человека в ФРГ (на примере с интеллектуально-экономическими иммигрантами и непрямыми родственниками поздних переселенцев), тем регулярнее оказывались его контакты с родиной, что, в свою очередь, приводило к жесткой критике России и идеализации жизни в Германии. Данная позиция также влияла на взаимоотношения молодых людей и их старших родственников, оставшихся на родине:

Антон: *«Здесь элементарно даже общественный транспорт лучше работает, медицина на нормальном уровне, на улицах чисто, за репост тебя никто не посадит. Мы с Серёгой уже давно пытаемся объяснить родителям о том, что и им бы хорошо переехать. Но тяжело, конечно, тяжело людям в их возрасте идти на какие-то изменения, особенно если они по телевизору слушают про гейропу и беспредел с мигрантами»*

Виктория (подруга Марины): *«<...> мне, например, не страшно ходить по улицам ночью, мне спокойно, когда я вижу полицейских, я не чувствую на себе этой стигмы как женщина, <...>, если я иду вечером с бутылкой в руке. Не знаю, мне здесь спокойнее. <...> я не хочу жить во всей этой несправедливости, коррупции. Иногда, если нахлынет тоска по родине, я просто читаю новости и радуюсь, что здесь у меня всё будет хорошо и с работой в том числе»*

Обратный тренд прослеживался в тех случаях, когда респондент прожил продолжительное время в Германии (такими информантами выступают «поздние переселенцы» и «непрямые родственники поздних переселенцев») – долгое пребывание респондента в Германии сопровождалось всё более редкими и нерегулярными контактами с Россией (часто потому что долго живущие в Германии респонденты «перевозили» своих родственников из России ближе к себе), в подобной ситуации информанты были более склонны критиковать Германию, идеализируя жизнь в России:

Владимир: *«<...> хоть я и всю свою разумную жизнь прожил в Казахстане, больше принадлежу я России, скажу так. Считаю своей родиной Россию. Даже мне не столько СССР, сколько Россия. <...> с Россией воевать не следует. <...> если немножко заглянуть в историю, и там можно увидеть, что Россию никто никогда не смог покорить. <...> ведь санкции принесли ущерб Западу больше, чем России! <...> Ну вот эта несправедливость [в Германии]... Это неизменно. <...> Ну как это вам объяснить, это революция нужна. <...> А тут капитализм – капитализму нужны безработные, что они [государство в Германии] борются – это всё болтавня»*

Михаил (один из друзей Владимира, также переехавший с семьёй в 1992-ом году): *«Я просто знаю абсолютно точно – люди там [в России] другие. <...> какие? Да на деньгах просто у них всё не завязано, понимаете? Жалко мне, жалко, что такие отношения между Россией и Западом, но им [странам Европы] же самим хуже <...>, Россия великая, она и не такое переносила, она ещё воспрянет, самые талантливые люди...да даже здесь! Всегда были, есть и будут! Самые умные всегда из России.»*

Тем не менее, когда им задавался вопрос о том, рассматривали бы они возможность переселения обратно, респонденты не выражали желания покидать Германию, говоря о том, что здесь осталась бы их семья, в России их не устраивают пенсии, а также о потере собственной идентичности.

Владимир: *«Видите ли, конечно, мне бы хотелось переехать обратно, но там сейчас всё по-другому, никого не осталось [перед этим сам респондент рассказывал о своём визите на родину и тёплых встречах с друзьями молодости]. <...> Друзья они вот все моего возраста, остались все, кому некуда поехать. Там теперь только коренное население живёт, <...> я-то не против, но поехать туда теперь и потерять свою идентичность тоже не хотелось бы»*

Михаил: *«Я тоскую, тоскую очень, конечно, но уже, всё, наверное, выбор сделан – чего теперь рыпаться-то куда-то? Если у меня здесь дети, здесь все обосновались друзья. <...> вы можете себе представить, как тяжело пожилому человеку заново адаптироваться будет в этом всём? <...> у меня здесь дети, вся жизнь у них здесь, а без семьи никак»*

Непрямую готовность переезда в Россию выразил Марк. Марк получил немецкое гражданство, благодаря бабушке. В старшей школе его родители приняли решение об обучении сына в Германии, таким образом, молодой человек провёл в Берлине в общей сложности около двенадцати лет. Его критика в отношении Германии состояла в неудовлетворенностью качеством образования в школах (в частности, преподавание математики), неприятием местного контингента молодёжи, которому, по его словам интересно лишь

выпить и покурить, а также провинциальный характер уклада жизни в Берлине по сравнению с Москвой, но самым главным оказалась для молодого человека отсутствие возможностей для реализации своего собственного бизнеса, что, по его мнению, явилось бы гораздо меньшей проблемой в России:

«<...> здесь люди рождаются, учатся, потом какую-то бесконечную вечность работают, <...> и в итоге под старость остаются практически с ничем. <...> то, что здесь нету никаких возможностей, как можно чего-то своё создать – какой-то бизнес, открыть что-то как бы и делать более-менее своими руками и с этого иметь какие-то нормальные деньги, да? А здесь ты всегда на дяденьку работаешь <...> и платишь офигительные налоги, на чем и держится Германия, <...> роста карьерного как такового и нету, на самом деле. От того, что ты из обычного рабочего, превратишься в менеджера среднего звена, а потом в руководителя отдела, от этого у тебя в зарплате, по сути, ничего не поменяется, потому что у тебя будет налог. <...> Работать над чем-то своим – очень трудно»

Готовность молодого человека рассмотреть переезд обратно в Россию после завершения учебы заключалась в реализации престижности зарубежного образования и положения “иностранца” в России: *«Без проблем, я с удовольствием вернулся бы в Москву <...> Я считаю, то шо в России за счёт того, что не всё прописано законно, <...> с чем-то новым, намного проще. В Россию все явления приходят немножко позже, и соответственно там что-то открывать – намного легче. Понятно то, что может когда-нибудь возникнуть ситуация то, что дядя в форме придет и попросит деньги, или то, что начнет прессовать, <...> но лучше иметь хоть какие-то шансы, чем никаких шансов. Вот понятно то, что у тебя будет обеспеченная жизнь здесь, <...>, но это всё скучно. <...> я б поехал бы работать немецким специалистом в Россию в своей области. <...> я думаю, в принципе, это какая-то карта заграницы, она канает. Особенно, если будет какой-то послужной список, то без проблем. При этом, зарплата как бы будет абсолютно другая, но и абсолютно другие налоги будут.»*

Здесь стоит отметить, во-первых

Категория престижности положения за границей оказалась характерна и для других молодых людей, в особенности студентов. Среди их сверстников опыт жизни за границей является своеобразным признаком успеха. Кроме Марка, чья готовность к переезду обратно в Москву была основана на предположении об особом статусе иностранного специалиста в России, подобного желания не изъявил никто, тем не менее, подобным образом студенты говорили о том, что учёба в Германии, действительно, возвышает их в глазах родственников и друзей, оставшихся на родине.

2. Мигрант – когда человек, несмотря на этническую принадлежность, признавался, что не чувствует общности по отношению к немцам в Германии, а также не является русским.

В данную категорию попала та часть поздних переселенцев, которая не высказала никакого другого определения для себя, а также их дети, если переезд в Германию пришелся на их сознательный возраст (в данном случае от 10 до примерно 15 лет).

Поздние переселенцы этой категории почти не опираются на российские культурные практики и предпочитают использовать немецкий язык внутри семьи и в своей каждодневной жизни. Так же, как и в предыдущем случае, это обусловлено их организацией жизни в России до того, как они получили возможность переехать в Германию на правах репатриантов в 1992-ом году. Несмотря на продолжительное проживание в Германии, они практически её не критикуют и не идеализируют Россию, хотя и сохраняют дружелюбное отношение к ней, как к месту, где они родились и провели свою юность

Вероника: «Я со всеми общаюсь, Россия до сих пор мне дорога, и мне нравятся русские люди они так легко открывают тебе сердце, с немцами такого нет. С немцами мне чаще получается общаться по работе. Мои дети тоже женились на немецких женщинах»

Несмотря на то, что данные информанты при прямом общении не идентифицировали себя ни с русскими, ни с немцами, каждодневные практики, которые они описывали из своей жизни, позволяют сказать о стремлении идентифицировать себя по отношению к местному населению в гораздо большей степени, чем к общей массе мигрантов-иностранцев, на которых они ссылались при попытке описать свою идентичность.

Наглядным примером такого случая является семья Вероники. Она и её муж Фёдор являются этническими немцами, прожившими до 1992-ого года на юге России. Как говорит сама женщина, они с радостью восприняли возможность вернуться на свою историческую родину, когда вышел закон о поздних переселенцах. Прожив долгое время на территории СССР, семьи Вероники и Фёдора до того, как они встретили друг друга многое пережили как представители “неблагонадёжной нации”, начиная от простого неприятия со стороны местного населения, заканчивая сроком в тюрьме, когда член семьи отказался исполнять воинскую службу по религиозным соображениям. По рассказу Вероники, всю свою жизнь в России она прожила в тесном взаимодействии с представителями своей этнической группы, где в большей степени практиковался немецкий язык.

«Моя бабушка и мой дедушка даже и по-русски не говорили. Я не помню, чтобы они с нами, с детьми использовали русский. Я сама до школы еле-еле разговаривала, потом было немного тяжело, но через год уже заговорила».

Лично для неё язык также явился одним из факторов маркирования себя в контексте построения самоидентификации в Германии из-за, как она считает, слышного акцента в немецкой речи:

«<...>он не то, чтобы у меня прямо сильный, но для местного уха понятно, что я говорю иначе, чем местные, <...>а я говорю, как у нас было принято, хотя уже, наверное, сейчас речь у меня другая, чем когда только переехали, но всё равно, когда нервничаю, например...<...>. У меня есть подруга одна, мы с ней давно дружим, но в первые несколько лет, она мне

потом сказала, она как-то думала, что я русская, но потом она уже поняла, что это не так, когда поближе познакомились»

По словам информантки в их семейном кругу были распространены немецкие национальные культурные практики в гораздо большей мере, чем российские:

«Мы всегда как христиане, всё равно, праздновали Рождество, Пасху. Всегда! Несмотря на режим. Для нас это было важно, это был наш праздник».

Её муж Фёдор, говоря о том, как проходила их адаптация в новой среде также заметил, что для него принципиально важной отличительной особенностью от представителей принимающей среды был жизненный опыт, перенесённый в России:

«<...> понимаете, сам факт того, что нам пришлось адаптироваться, как-то подстраиваться под эти новые условия уже говорил, что мы не местные, не равнозначные. Было бы странно рассчитывать, что мы и наши предки столько лет провели вне своей родины и совсем никак не обрусели что ли <...> А вот сейчас мы сами как они, когда они переехали в Россию, я думаю мы чувствовали себя также как они, когда мы перебирались в Германию»

Таким образом, подобный жизненный опыт семьи, с одной стороны, не давал им возможность маркировать себя по отношению к русским, поскольку язык и каждодневные практики вроде религиозности разительно отличали их от местного населения, а с другой, после приезда в Германию, стало очевидным, что они, хоть и являются этническими немцами, не могут вместить себя весь опыт жизни местного населения, чтобы стать тождественными их представителям. И несмотря на то, что семьи русских немцев, как правило, использовали внутри своей группы родной немецкий язык, они так или иначе испытывали значительное влияние российской среды, которое позже, когда те переселились в Германию, не давало им полностью почувствовать себя наравне с местными немцами.

Также одна из информантов (сестра Вероники), отвечая на вопрос о том, с кем бы она могла почувствовать общность, если не с немцами и не с русскими, отчетливо выделяла группу русских немцев, приехавших, хоть и на свою историческую родину, но всё же, как мигранты из России. Таким образом, этническая принадлежность играла меньшую роль, чем жизненный опыт, полученный в том месте, где человек вырос:

«Всё равно, мы как-то лучше будем друг друга понимать в своём кругу, всегда, мыслим мы примерно одинаково. Всё равно, в общем, чувствуется это различие с окружающими, которое только нам понятно»

Дети поздних переселенцев внутри этой категории, как и их родители, ещё при жизни в России получили некоторый опыт взаимодействия с внешней средой, где они не идентифицировались как «свои» с точки зрения нации. Многие из респондентов имели воспоминания о том, как сверстники и даже некоторые взрослые, узнававшие о том, что они (респонденты) являются детьми русских немцев, начинали дразнить их фашистами, а иногда даже стыдить за развязывание Великой Отечественной войны.

Александр (сын Фёдора и Вероники): *«<...> самое смешное, наверное, это...как мы с братом пошли в школу, и было понятно, что не были русскими среди детей в России, а потом переехали и снова пошли в школу, но тут мы уже были русские, <...>, а в итоге мы были и ни те, и ни другие»*

Таким образом, информанты этой категории получали понимание о непринадлежности к группе «русских» ещё в детском/подростковом возрасте. Тем не менее, приехав на свою историческую родину, несмотря на свой молодой возраст и большие, чем у их родителей, возможности для адаптации (школа, университет и т.д.), они всё ещё во многом опирались на опыт старших представителей в своей семье, которые не чувствовали себя “своими” среди немцев, узнававших об их статусе позднего переселенца, который они сами приравнивают к статусу мигранта.

3. Гибридная идентификация проявлялась, когда респонденты говорили о тесной взаимосвязи культур, проявляющиеся в их воспитании и каждодневных практиках, таким образом относя себя к обеим нациям.

В этой категории оказались дети поздних переселенцев, которые идентифицировали себя по отношению к русским. Позитивная оценка России их родителей сопровождалась сохранением многих культурных практик внутри семьи, о которых говорили респонденты, чувствующие себя между двумя нациями. Говоря о сохранении культурных практик, респонденты упоминали, что даже после переезда воспитывались на русских сказках, родители также заставляли их заучивать стихи на русском. В некоторой мере отмечались какие-то российские праздники. Например, Юлия и Вальдемар (брат и сестра) в разных интервью говорили о том, что в их семье долгое время было принято поздравлять близких оставшихся в России с праздниками вроде Дня Победы и Нового года, не смотря на то, что первый из них в Германии не принято отмечать, а вместо второго празднуется Рождество.

Знакомство с Юлией произошло, когда она в 2015-ом году приехала в Санкт-Петербург на несколько месяцев, чтобы пройти курс изучения русского языка. Уже на тот момент она знала язык на довольно высоком уровне, также удивительным было, с какой лёгкостью она использовала просторечные конструкции и слова. Эти тонкости иностранного языка (в данном случае, русского), как правило, приходят и усваиваются в лексиконе через частую практику, что свидетельствовало о том, что девушка ещё до приезда в Россию часто их слышала и воспроизводила сама. После разговора о её родственниках и, непосредственно, интервью с её отцом, имеющим центральное влияние в семье в том числе и относительно инициативы использования его в кругу семьи, стало понятно происхождение образа её речи. О себе и своей культурной принадлежности Юлия говорит так: *«Я выросла с русской*

культурой везде. Кухня, традиции, язык, и я тоже микс немецкой и русской культуры. Я не могу сказать, что я точно немка, фифти-фифти».

В случае Юлии, её брата Вальдемара и сестры Ольги идеализация России родителями, вступала во взаимосвязь с влиянием внешней среды, таким образом обуславливая неотторжение прошлого, связанного с Россией, что влекло за собой некоторую национальную идентификацию по отношению к ней. При этом влияние среды на респондентов сказывалось тем образом, что они на протяжении взросления, например, заводили друзей среди немцев, опирались на местную моду и были погружены в немецкий интернет со всей его культурой. Таким образом, эти респонденты гораздо меньше использовали русский язык, чем их родители (которые жаловались, что их дети отвечают им на немецком, когда с ними говорят по-русски), и оказывались включены в немецкую медиасреду в отличие от родителей, которые отдают предпочтение российскому телевидению и развлечениям.

Таким образом, было выявлено несколько основных факторов национальной идентификации российских иммигрантов в Германии в контексте данного исследования. Нельзя отрицать важность индивидуальных жизненных обстоятельств каждого из респондентов, повлиявших на импорт тех или иных привычек, сформированных в России.

Основными выявленными факторами национальной идентификации явились опыт повседневной жизни в той или иной стране. Длительность нахождения в России и Германии предопределяет тенденции к импорту тех или иных составляющих уклада жизни в России, будь то формирование круга общения состоящего из представителей группы этнических немцев, сохранение национальной кухни или даже ксенофобия по отношению к лицам других этнических идентичностей, что, в таком случае, оказывает влияние на символические границы общества для категоризации внутри него объектов, людей и практик, а также времени и пространства, как они описаны в тексте Ламонт и Молнар, что, в свою очередь, приводит к формированию социальных

разграничений для доступа разных групп общества к различным социальным возможностям⁴⁴, что было видно исходя из высказываний респондентов относительно засилья беженцев в Германии. Ксенофобия поздних переселенцев в отношении беженцев свидетельствует не только об их предпочтении российских про-государственных средств массовой информации, форсирующих идею о противостоянии между представителями местной среды и прибывшими беженцами из Сирии, но и импортированной чертой развития российской национальной идентичности в условиях распада СССР, когда те, кто считал себя россиянином, испытывали неприязнь к представителям других этнических групп, мотивируя это тем, что они ведут себя «как хозяева на чужой земле»⁴⁵. Подобная риторика наблюдается у респондентов после переезда в Германию, где они осуждают обычаи и образ поведения беженцев, который противоречит принятым стандартам поведения в европейской среде.

Импорт культурных кодов и обычаев российскими мигрантами упомянутых категорий неизбежно тем или иным образом оказал значительное влияние на их повседневную жизнь в Германии.

Воплощение подобного рода различных практик отличается между респондентами из представленных условных групп, поделенных по принципу самоидентификации информантов, имеющих в их повседневной жизни общие признаки в формировании того или иного круга общения, вовлеченности в различные медиа среды, организации быта и т.д. То, что говорят информанты о своей национальной самоидентификации отчасти совпадает с тем, как позже в интервью они склонны идентифицировать себя с той или иной группой и какие культурные штампы они применяют в повседневности. Исходя из проведенного анализа, имеет смысл говорить о гибридизации идентичности

⁴⁴ Lamont M., Molnár V. The study of boundaries in the social sciences //Annual review of sociology. – 2002. – Т. 28. – №. 1. – С. 167-195.

⁴⁵ Дробижева, Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ. Глава из книги: Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. — 564 стр

информантов во всех трёх случаях. Индивидуальный опыт, полученный во время жизни в России, прежде всего, сказывался на объеме перевезенных практик из одной страны в другую, а также на частоте их применения, а те, в свою очередь на национальной идентификации респондентов.

Наиболее удобным образом данную выборку интервью можно представить в виде градации по масштабу влияния российской составляющей в сравнении с немецкой на формирование национальной идентичности информантов, исходя из наличия или отсутствия ключевых выявленных факторов:

- 1. Уровень влияния российской составляющей идентичности респондента превосходит немецкую.*

Индикаторами данного типа гибридной идентичности служат такие факторы как осуществление российских культурных кодов, практик и обычаев как один из основных приоритетов повседневной жизни. Наиболее всего этот вид гибридной идентичности проявлялся у некоторых представителей этнических немцев, чей круг общения в России включал большое количество представителей российской среды. Используя термины Р. Брубейкера и Ф. Купера, можно отметить следующие черты национальной идентичности среди этой группы. Идентификация, самопонимание и общность респондентов происходила исходя из позиционирования себя в сети внутригрупповых отношений наравне с мигрантами из России в Германии (вне зависимости от наличия гражданства и этнической принадлежности) за счет таких атрибутов как язык, национальность и воспроизведение культурных штампов и обычаев. На примере данной подборки можно отметить, что наличие и осознание своей немецкой этнической идентичности информанта (даже в тех случаях, когда она была упомянута как предмет гордости) никак не противоречило проявлениям любви к родине, которой для них являлась Россия. Сюда же можно отнести стремление родителей привить любовь к русскому языку своим детям и внукам, а

также высокий уровень доверия к российскому телевидению и прочим средствам массовой информации (в частности относительно тем массового засилья мигрантов и участившихся случаев терроризма в Европе и Германии) в отличие от таковых в Германии. Данная группа наиболее всего оказалась склонна идеализировать жизнь в РФ и критиковать политическое и социальное устройство в Германии, потому неожиданным оказался выявленный парадокс о том, что респонденты данной группы совершенно не рассматривают переезд на российскую родину, находя это нецелесообразным по множеству причин, включая потерю связи с детьми и внуками, неблагоприятную экономическую ситуацию и низкие пенсии в России.

Интеллектуальные-экономические иммигранты в данном случае представляют собой несколько иной тип среди гибридной идентичности представленного вида, поскольку их опыт жизни в российской среде оказывается сильнее в контексте самоидентификации по отношению к какой-либо группе. Общность по отношению к другим студентам из России, приехавшим в Германию формируется как вспомогательная к ощущению общности к своим близким, которые остаются их основной социальной и финансовой опорой. Проявляемая самоидентификация по отношению к представителям российской молодежи в Германии выстраивается, исходя из общего языка, обстоятельств и целей нахождения за рубежом.

Мигранты, являющиеся непрямыми родственниками этнических немцев, также попадают под эту категорию гибридной идентичности, имея черты одновременно и этнических немцев, ориентированных на имплементацию российских культурных практик в своей каждодневной жизни и склонностью сохранять употребление русского языка в своём кругу, и интеллектуальных мигрантов-студентов, схожих с данной категорией по возрасту, политическим взглядам и вовлеченности в определенные сферы медиа. Мигранты этого типа проявляют гибкость

самоидентификации и по отношению к этническим немцам, и по отношению к упомянутой студенческой или интеллектуальной молодёжи.

2. *Российская составляющая идентичности является значимой для информанта, но в процессе идентификации не превосходит немецкую.*

Респонденты этой категории в данной подборке в большинстве своём являются детьми поздних переселенцев с преобладающей российской идентичностью. Воспитанные в российской культуре и, как правило, имеющие некоторый небольшой опыт жизни в России из детства, они сохраняют в целом позитивное отношение к родине их родителей, которую, либо не считают своей, либо считают наравне с Германией. Интересным оказалось высказывание одного из информантов о том, что Россия для него – родина, а Германия – отечество, потому что он родился в России, и она как мать дала ему жизнь, там он провел некоторую часть своего детства, а Германия как отец воспитала и дала жизненные возможности. Он также сказал, что не смог бы делить своё сердце между Германией и Россией, ведь это для него как любить родителей.

Факторами характерными для установления данного вида гибридной идентичности являются уважение и любовь к российской культуре и даже некоторая готовность воспроизводить в своей повседневной жизни некоторые из импортированных их родителями практик, усвоенных дома. При этом вовлеченность в медиа Германии и отсутствие ксенофобии в отношении мигрантов и беженцев.

Информанты с описываемым типом гибридной идентичности чувствуют общность по отношению к местному населению, но из-за широкого применения российских культурных практик, не находят возможным отказаться от некоторой самоидентификации по отношению к России в связи с историей своей семьи и применением русского языка.

3. Наименьший уровень влияния российской национальной идентичности на информанта.

Респонденты с данной гибридной идентичностью, несмотря на признаки высокого уровня интеграции в принимающее общество и немецкое гражданство, чаще всего называли себя мигрантами, так как не ощущали общности по отношению к местному населению в Германии. Опыт, полученный вследствие проживания в России не позволил информантам сформировать чувство общности по отношению к представителям российской среды, они не проводят самоидентификацию по отношению к ним и не чувствуют отождествления с ней. Тем не менее, как заметил один из респондентов, чья цитата приведена при описании группы, условно обозначенной, как “мигранты”, его семья и его предки долгое время провели в России, подстраиваясь под условия страны до тех пор, пока в какой-то степени не “обрусели”. Влияние российской среды он подкрепляет фактом необходимости адаптации в Германии, несмотря на жизнь в немецкой общине в России.

Многие выявленные тенденции в исследовании национальной идентификации российских иммигрантов в Германии объясняются с точки зрения теории Бенедикта Андерсона о воображаемых сообществах.

Например, когда ощущение общности респондентов по отношению к той или иной группы обсуждалось на уровне поддержания связи с родными и близкими, оставшимися в России, за счёт современных средств коммуникации, вроде определенных социальных сетей с их фольклором, что не только описано теоретиками национализма с позиций конструктивизма в целом, но подтверждает тезис Андерсона о конструировании наций, члены которой не имеют физической возможности непосредственного знакомства с каждым из представителей своей группы, но благодаря информационным и коммуникационным технологиям, способны удерживать представление об общности с этими людьми и сходстве с ними.

3.2 Сравнительный анализ результатов со статистическими данными исследования Фонда им. Б. Немцова⁴⁶

Факторы, формирующие национальную идентификацию, выявленные при анализе интервью с представителями российских иммигрантов в Германии, находят некоторое подтверждение в количественном исследовании о российских немцах фонда им. Бориса Немцова в 2016-ом году.

Опросы, которых было собрано в количестве 606-ти осуществлялось на русском и немецком языках среди респондентов от 18 до 55+ лет, среди них 42% мужчин и 58% женщин российского происхождения (включая страны бывшего СССР). 40% информантов исследования переехали из России, 35% из бывшей Казахской ССР, 11% из Украины. Также 65% исследованных российских мигрантов переехали в период начала четвертой волны иммиграции в 1990-х годах.

В отличие от подборки респондентов данного исследования, согласно результатам исследования фонда, им. Б. Немцова, большинство мигрантов (44%) идентифицируют себя как немцы, гораздо меньше себя признают русскими/россиянами (18%), но результаты исследования также гласят, что вне зависимости от их собственной идентификации, респонденты часто используют русский язык дома со своей семьей, что в некоторой степени находит сходство в данном исследовании. Несмотря на то, что в отличие от исследования интервью о национальной идентичности российских иммигрантов, используемый опрос говорит о тенденции национальной самоидентификации представителей российской диаспоры в большей степени в отношении к Германии и Европе, чем России, участники опроса также как и

⁴⁶ Boris Nemtsov foundation freedom. Russian-speaking Germans. Survey Research Results. Berlin, October 2016

в данном исследовании, соблюдают множество культурных практик, сохранившихся после переезда в Германию.

Половина опрошенных поддерживают связи с друзьями, родственниками и коллегами в России, что также оказалось релевантно для подборки респондентов для данного исследования, в обоих случаях они сравнительно редко наносят визиты близким в России, но поддерживают связь на расстоянии с помощью телефонных звонков и социальных сетей, что в свою очередь, согласно теории Б. Андерсона, влияет на ощущение респондентами общности в той или иной группе.

Другой темой, нашедшей отклик в обоих исследованиях стала тема засилья мигрантов и беженцев, о которой в предыдущем разделе говорилось в контексте импорта черт российской идентичности и повседневных практик, включающих использование российские средства массовой информации. В контексте обоих исследований было выявлено, что сами российские иммигранты оценивают своё отношение к представителям других групп как терпимое или даже дружелюбное, тем не менее, считают, что во многих случаях именно мигранты и беженцы иницируют преступления. Также 72% российских иммигрантов основывают своё неприятие беженцев на том, что среди них могут также быть террористы.

Респонденты, использовавшие российские СМИ (в частности телевидение), склонны доверять им больше, чем немецким телеканалам, при этом аудитория российского телевидения гораздо более политизирована, и, как и в рамках данного исследования национальной идентификации, больше склонны к ксенофобии и нетерпимости в отношении беженцев. Телезрители российских каналов больше склонны бояться беженцев и представителей других групп мигрантов и высказывать опасения о террористических атаках, а аудитория немецкого телевидения более позитивно настроена в отношении демократии и ситуации в мире в целом.

Иллюстрацией к этому могла бы послужить ситуация Владимира и Михаила в шахматном клубе, где у них часто случаются споры с другими

членами клуба на политические темы, где участники клуба часто не сходятся в информации, которую они получают из разных источников, считая друг друга подверженными пропаганде со стороны стран, чьи телеканалы они предпочитают.

Обеспокоенность относительно политической ситуации в России среди потребителей российского телевидения, согласно фонду им. Б. Немцова происходит по отношению следующим темам. Наибольшее число людей из аудитории российских телеканалов проявляют озабочены напряженными отношениями России и Запада, что также хорошо иллюстрируют интервью Владимира, его жены Марии и его друга Михаила, где звучали слова о возможной войне, которая, по их мнению, закончится не в пользу стран Запада, где обе стороны понесли бы серьезные потери. Несоблюдение прав человека в России волнуют лишь 24% опрошенных, а авторитарный характер власти в РФ еще меньше – 7%.

В исследовании фонда также предлагается классификация респондентов:

1. «Россиязависимые». В данной категории преобладают люди в возрасте от 55-ти лет, в основном представляют собой «перевезённых родителей» мигрантов, в основном не чувствующих себя интегрированными. Они в большей степени говорят по-русски, имеют больше связей в Германии, чем в России. Основными характеристика являются нетерпимость по отношению к мигрантам и беженцам, ЛГБТ+ меньшинствам, является наибольшим потребителем российского телевидения.

2. «Главная опора Германии» представлена мигрантами, прибывшими до 1999 года, большая часть которых находится в возрастном диапазоне от 35 до 44 лет. Мигранты этой категории больше используют немецкий язык, чем русский. 100% данной категории считает себя интегрированной, также 100% респондентов, отнесенных к

данной категории считают себя немцами. Также они не доверяют российскому телевидению предпочитая немецкие СМИ.

Несмотря на то, что основным выводом исследования фонда им. Бориса В ходе сравнения результатов двух представленных исследований можно вывить следующие общие черты. Во-первых, подтвердилась склонность российских иммигрантов определённых категорий, с похожими выделенными характеристиками (как например, возраст, преобладающее использование русского языка и значительная опора на российскую идентичность в контексте культурных и повседневных практик) к ксенофобии, когда оценивая своё отношение к другим группам иммигрантов и беженцам как дружелюбное и толерантное, индивид скорее склонен приписывать им черты криминальных элементов, опасных для общества, как например, террористов. Также приведённое исследование подтверждает отмеченный ранее парадокс об идеализирующих Россию репатриантах, имеющих менее связей по отношению к ней по сравнению с другими группами иммигрантов и по сравнению с количеством связей в Германии, на которые они ссылаются.

Расхождение обнаружилось в самоидентификации российских иммигрантов обоих исследований при ответе на вопрос. Респонденты данного исследования не называли себя немцами, в то время как приведенный для сравнения опрос показывает противоположные результаты, когда российская идентификация оказалась лишь на третьем месте после немецкой и европейской.

Одним из главных выводов настоящей работы является гетерогенность национальных идентичностей, представленных в Германии, тем или иным образом подвергшихся гибридизации в следствие опыта жизни в России, дополнением к чему можно считать похожий вывод о многообразии среди группы российских мигрантов, сделанный фондом им. Б. Немцова.

Заключение

Целью данной работы о национальной идентичности российских иммигрантов в Германии явилось исследование её противоречивой природы в условиях взаимодействия мигрантов с принимающей средой.

Изначально предполагалось несколько возможных вариантов национального самоопределения респондентов. Одна из возможностей состояла в том, что попадая в принимающую среду, мигрант будет в большей степени ориентироваться на свою российскую идентичность и предпочитать взаимодействие внутри своей группы, при этом ограничивая контакты с представителями других культур и национальностей, что отчасти подтвердилось в случаях с некоторыми респондентами, причислившими себя к первой категории. Другое предположение состояло в том, что, попадая в новую среду и в результате трансформации идентичности, русский мигрант будет всё меньше опираться на свою прежнюю идентичность. Тем не менее, обе эти возможности оказались бы несостоятельными для того, чтобы объяснить прочие категории респондентов и оказанное их опытом жизни в России влияние на их национальную идентификацию в Германии.

В результате анализа приведённых интервью было выявлено три уровня влияния российской составляющей идентичности: когда российская составляющая идентичности превосходила немецкую, что выражалось в осуществлении российских культурных практик в повседневной жизни информантов, а также к стремлению к похожему кругу общения в Германии, как и в России. Данный вид гибридной идентичности, как позже подтвердилось и в сравнительном анализе с исследованием фонда им. Бориса Немцова, наиболее всего оказался выражен у некоторых представителей этнических немцев с похожими демографическими признаками. Также характерным оказалось в этой

категории любовь к России, но отсутствие стремления вернуться в идеализируемую страну. Также в эту категорию вошли родственники поздних репатриантов, а также интеллектуальные иммигранты, студенты. Они представили ещё один тип среди гибридной идентичности представленного вида, проявляя общность по отношению сразу к двум группам – близких, оставшимся на родине и по отношению к другим студентам из России.

Мигранты, которые являлись непрямыми родственниками этнических немцев, также попадают под эту категорию гибридной идентичности, имея черты 2-х предыдущих категорий, с одной стороны имея похожую склонность к обособлению от принимающей среды как этнические немцы, и интеллектуальных мигрантов-студентов, схожих с данной категорией по возрасту, политическим взглядам и вовлеченности в определенные сферы медиа.

Российская составляющая идентичности также могла влиять на информанта не в полной мере, респондент, например, был воспитан в российско-немецкой культуре, воспроизведенной его родителями. Россия и российская культура являют определенную важность для данного типажа, перемешиваясь с влиянием внешней среды.

Наименьший уровень влияния российской национальной идентичности на информанта происходил в ситуациях, когда при жизни в России, респондент руководствовался интеракциями лишь среди общности этнических немцев, при этом получая опыт неприятия его в российской среде, а позже опыт жизни в России бы не позволял его почувствовать бы себя равным по отношению к местным немцам в Германии.

Таким образом, предположение о гибридизации национальной идентичности оправдалось в контексте приведённых категорий мигрантов и влияния опыта российской среды на процесс их самоидентификации в Германии.

Источники:

1. Boris Nemtsov foundation freedom. Russian-speaking Germans. Survey Research Results. Berlin, October 2016
2. Destatis, Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2015/03/PD15_097_12521.html;jsessionid=1A4BF24946899912ADD53A3CD42553B.cae1 (дата обращения: 20.04.2018)
3. Federal office for migration and refugees. URL: <http://www.bamf.de/EN/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 20.04.2018)
4. Сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots (дата обращения: 21.04. 2018)
5. Статья 116. Конституция ФРГ. Электронный ресурс //Режим доступа: <http://www.uznal.org/constitution.php>. – 2014.
6. Statdata. Население России: численность, динамика, статистика. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 21.04.2018)

Список литературы:

1. Bauböck R. The crossing and blurring of boundaries in international migration. Challenges for social and political theory //Public policy and social welfare. – 1998. – Т. 23. – С. 17-52.
2. Brubaker R., Cooper F. Beyond identity. Theory and society 29. Kluwer Academic Publishers, p. 1-47, 2000
3. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: Large scale social integration and the transformation of everyday life. – 1991.
4. EXRUS.eu. Русско-немецкий социально-экономический портал. К вопросу национальной идентичности в Германии и России. URL: <https://ru.exrus.eu/К-вопосу-natsionalnoy-identichnosti-v-Germanii-i->

- v-Rossii-id4dc96a4c6ccc195a24000012 (дата обращения: 25.04.2018)
5. Fox J. E., Miller-Idriss C. Everyday nationhood //Ethnicities. – 2008. – Т. 8. – №. 4. – С. 536-563.
 6. Gould R. V. Insurgent identities: Class, community, and protest in Paris from 1848 to the Commune. – University of Chicago Press, 1995.
 7. Joshuaproject. URL:<https://joshuaproject.net/countries/GM> (дата обращения: 25.04.2018)
 8. Lamont M., Molnár V. The study of boundaries in the social sciences //Annual review of sociology. – 2002. – Т. 28. – №. 1. – С. 167-195.
 9. Wallerstein I. M. The Modern World-System. Vol. I, II. N. Y., 1974, 1980
 10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – 2001.
 11. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс //Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо. – 2003. – Т. 272.
 12. Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме //Ab Imperio. – 2006. – Т. 2006. – №. 2. – С. 59-79.
 13. Вайнштейн Г. и др. Европейская идентичность: желаемое и реальное //Полис. Политические исследования. – 2009. – №. 4. – С. 123-134.
 14. Войлокова Т. Н. Русские в Германии пример успешной интеграции? //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – №. 2 (102).
 15. Дробижева, Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ. Глава из книги: Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. — 564 стр.

16. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт //Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №. 7. – С. 50-60.
17. Магун В. С., Магун А. В. Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения.(Российские данные в контексте международных сравнений) //Общественные науки и современность. – 2009. – №. 2. – С. 1202-113.
18. Малахов, В. Скромное обаяние расизма и другие статьи/ / М: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги, 2001
19. Миллер А. Национализм как фактор развития //Общественные науки и современность. – 1992. – №. 1. – С. 124-132.
20. Паин Э. Между империей и нацией. 2-е изд., доп. — М.: Новое изд-во, 2004.
21. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России:«циркуляция» или «утечка» умов //Социологические исследования. – 2013. – №. 4. – С. 24-35.
22. Парламентская газета. Шерин: ЛДПР призывает вернуть из-за границы российских соотечественников. 23.11.2017 URL: <https://www.pnp.ru/politics/sherin-ldpr-prizyvaet-vernut-iz-zagranicy-rossiyskikh-sootechestvennikov.html> (дата обращения: 21.04. 2018)